

Иван Сергеевич Шмелев (1873-1950).

Издание: Иван Шмелев, "Солнце мертвых", изд-во "Согласие", Москва, 2000.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 1 апреля 2002.

Письма И.С.Шмелева А.В.Луначарскому

Предлагаем вниманию читателей письма И.Шмелева из Крыма, адресованные наркому просвещения РСФСР А.В.Луначарскому. Письма, пронизанные мольбой о помощи и отчаянием отражают необыкновенно горький период в жизни писателя. Тяготы материального существования усугубились личной трагедией, связанной с гибелью единственного сына, расстрелянного без суда красными. Тяжело пережив эти события, Шмелев в 1922 году по приглашению И.А. Бунина уехал в Берлин, потом в Париж, где и умер в 1950 году.

Письма публикуются по изданию: "У меня взяли сердце..." ("Лепта", N2, 1993, подготовка текста Ирины Тумашевой).

ПИСЬМО И.С.ШМЕЛЕВА N1

21-ХП-20г.

Алушта, д.Тихомировой.

Многоуважаемый Анатолий Васильевич,

Пишу Вам, как писателю-товарищу и как лицу, стоящему во главе Наркома[та] по просвещению. Некому мне писать больше, я в отчаянии. Вы уж не посетуйте на меня. Можете помочь -- помогите, или я погибну. Все же я российский писатель, сделал же я хоть что-нибудь доброго в жизни! Зла не делал. Умоляю, помогите. Дайте мне возможность работать как смогу. Выслушайте. Скоро 3 года, как я живу в Алуште. Приехал в июне [19]18 г. после тяжелой болезни. Сюда же приехал с фронта и мой сын, отравленный газами на Стоходе -- чтобы увидеть нас, меня и мать. Он один у нас. Вернуться в Москву осенью б[ыло] невозможно, на Украине начались действия. В декабре [19]18 г. мобилизация захватила сына, и он *подневольно* попал в армию крымск[ого] прав[ительст]ва как бывш[ий] подпоруч[ик] артиллерии. В марте [19]19 г. сын внезапно эвакуировался с частью и 7 мес[яцев] мы не имели от него вести, считали погибшим. И вдруг, в начале ноября [19]19 г., мальчик мой вернулся, больной. Оказыв[ается], был направлен в Закаспий, там болел желтухой и воспалением и получил по болезни отпуск. До конца марта [19]20 г. жил с нами, получая отсрочки по болезни. В конце марта фронтовая комисс[ия] признала его негодным к службе, но несмотря на хлопоты, сын не мог добиться отставки, т.к. в переходное время (Деник[ин] -- Вранг[ель]), еще не выработаны были правила ухода в отставку. Негодные к службе д[олжны] были причислиться куда-ниб[удь] и ждать. И сын, не желая расстаться с семьей, причислился к местной комендатуре, где ему, как явно больному было поручено присутствовать от военного ведомства в городск[ом] квартирном отделе. Вот и вся его служба в Алуште. При строгом переосвидетельствовании, когда брали и туберкулезных, в октябре [19]20 года, ему дали 3 [-ю] категорию, 2 п [ункт] -- служба в тылу, в условиях мирного времени. Через 2 недели началась эвакуация. Мы имели бы возможность уехать, прямо скажу, но у меня не было сил покинуть родное. Тоже и мой мальчик. Он прямо заявил, -- что бы ни было, он из России не уедет И он остался с открытой душой, веря, что его поймут, что он, сколько сможет, будет работать для новой России, советской, большой, всенародной России-республики...* Искренно и готовно остался, веря в новое. Тоже и я -- с волей работать, как писатель, как смогу Мы остались. Все эти годы мы жили в большой нужде (у меня здесь глинобитный домик в 2 комн[аты] и 400 саж[ень]). Жили на скудный заработок от чтений в Алуште моих рассказов (за эти 2 1/2 г. я не переезжал черты города), от издания дешев[ой] библиотеки, с гонорара за "Неупиваемую чашу" в сборнике "Отчизна", за редкие очерки в неофиц[иальных] газетах, едва живших. За эти 2 1/2 г. я не пошел ни на какую службу, ни к какому правит[ельст]ву, желая быть свободным. И был свободным. Мы жили в нужде великой.

* Многоточие документа

И вот мы остались, открыто и искренно признавая Сов[етскую] власть, желая посылно работать в родной земле. Сын явился на регистрацию У нас был обыск, дважды сына арестовывали и выпускали. Наконец, как и тех б[ывших] военных, его д[олжны] были отправить в Карасу-базар, в особ[ый] отдел 3[-ей] дивизии 4-й или 6-й армии. Я просил, чтобы его не увозили: он больной, недоброволец, его больше года знают все в Алуште. На его совести нет ни капли крови, ни единой слезы. За него поручились секретарь местной группы коммунистов, знавший его более года, ряд ответств[енных] работников. О нем самые лучшие отзывы всех решительно! За 2 года он как был подпоручиком с германской войны, так и